

Возница на миг опешил. Собрался было что-то сказать, но из повозки раздался пронзительный голос:

— Зачем с ними церемониться? Им же только деньги нужны. Кучка нищих. Дай им денег и побыстрее прогоняй.

С этими словами из повозки вылетело несколько монет.

Возница подобрал монеты, зажал их в пальцах и потряс перед Ань Жубао:

— Ну, видишь? Это наш хозяин дал. Бери скорее и проваливай.

Он протянул монеты Сун Чу.

Сун Чу бросил на него взгляд, взял монеты и тут же швырнул их обратно в лицо вознице, холодно произнеся:

— Деньги — это что, повод для гордости? Имея деньги, можно сбить человека и даже не извиниться? Мне не нужны ваши деньги, я хочу, чтобы ты извинился.

Возница, увидев, что Сун Чу взял монеты, уже собирался презрительно усмехнуться, но неожиданно получил ими по лицу. Монеты больно ударили его. Он покраснел от гнева, соскочил с повозки и намерился приступить к рукоприкладству.

В этот момент повозка дрогнула, занавеска откинулась, и из салона вышел мужчина средних лет. Ему было около сорока, на нём была тёмно-красная одежда, в волосах красовалась золотая шпилька. Фигура его была слегка полноватой, на полном лице ещё угадывались приятные черты былой красоты, но высокомерие в чуть приподнятых глазах и надменная осанка вызывали неприятие.

Как только этот человек появился, возница забыл о Сун Чу и поспешил подать ему руку, помогая сойти. Мужчина, опираясь на руку кучера, спрыгнул на землю, твёрдо встал, повернул голову к Сун Чу, смерил его взглядом, холодно хмыкнул и произнёс:

— Я так и думал, кто это так грубо говорит. Оказывается, это мальчишка из семьи Сун... Ой, нет, теперь же супруг сюэя Ань Жубао. Ну что ж, только что взобрался на высокую ветку, нашёл себе покровителя и уже задираешь нос в деревне. Ладно, твой муж — сюэяй, у него есть звание, тебе и можно хвастаться.

Услышав, как тот с порога начал критиковать Ань Жубао, Сун Чу изменился в лице, скрестил руки на груди и холодно ответил:

— Я не совсем понял ваши слова, дядя. Вы говорите, что я задираю нос, но меня просто сбила ваша повозка, и я попросил возницу извиниться. Разве это называется «задираю нос»? Или, по-вашему, если ваша повозка сбивает человека, нужно молчать? Даже если убьёт или покалечит — терпеть, это по-вашему правильно? Тогда по вашей логике, что вы делаете сейчас? Собаку на хозяина пускаете или просто давите авторитетом?

Этот мужчина привык в деревне командовать и никогда не слышал подобных ответов. Он тут же вспылал, нахмурил брови и резко закричал:

— Ты смеешь называть меня собакой? Ты кто такой, эта продажная тварь, что только и умеет, что совращать людей? И ещё смеешь меня ругать? Что, не согласен? Я неправду говорю? С

детских лет у тебя в глазах крючки, на которые ты ловишь души парней. Сначала совратил Ань Чуня, из-за тебя он чуть не стал калекой. Потом хотел совратить моего Чэнью, но, к счастью, у моего сына твёрдый характер, он не поддался. Что мы тебе сделали, что ты так за нами ухаживаешь? Но у тебя действительно талант, умудрился совратить парня из семьи Ань Сюаня. Хм, Ань Жубао тоже ослеп, взял к себе такую дрянь. Кто знает, может, скоро и рогами нарстет. Хм, бесстыдное создание.

Без слов, это был Ань Цзинлэ, отец Ань Чэнью и дядя Ань Чуня.

Если говорить об Ань Цзинлэ, то этот человек был в деревне Циншань фигурой легендарной. Его родители рано умерли, в семье остались только он и его старший брат. Жили они тяжело, но он был упрямым и ещё до того, как стать супругом, получил прозвище «Железный Рот», что говорило о его мастерстве в словесных перепалках. Внешность его не была идеальной, но он сумел приглянуться самому богатому и влиятельному человеку в деревне — Ань Фуминю, который взял его в супруги. На этом он не остановился, после свадьбы родил Ань Фуминю двух сыновей и дочь, и тот души в нём не чаял. Его и без того надменный нрав стал ещё невыносимее, большинство жителей деревни он причислял к нищим и не общался с ними, а к таким, как семья Сун Чу, — приезжим и бедным — относился с полным пренебрежением.

Гордостью Ань Цзинлэ было не то, что он стал супругом Ань Фуминя, а то, что он родил Ань Чэнью. Ань Чэнью был красив, умён, хорошо учился и был любимцем учителя. Ань Цзинлэ возлагал на него все надежды, мечтая, что его сын сдаст экзамены на высший ранг, прославит род и возьмёт в супруги кого-нибудь из знатной семьи, чтобы и самому пожить в роскоши, окружённому слугами. Поэтому, когда он случайно услышал, как Ань Чэнью признался старшему брату в чувствах к Сун Чу, его разочарование и ярость можно было представить.

Это дело стало занозой в его сердце. Он знал характер сына: тот был упрямым, не умел останавливаться перед препятствиями. Чтобы отвадить его, нужно было действовать с корнем. Он потратил уйму сил, не зная, как подступиться, и тут, как по заказу, произошёл инцидент с избиением Ань Чуня. Ань Цзинлэ тут же воспользовался случаем: сперва подговорил своего брата пойти к Ань Жуси требовать справедливости, а затем нашёл в деревне несколько прихлебателей, чтобы те распускали слухи среди ничего не подозревающих жителей. В итоге Ань Жуси, не выдержав давления, решил выгнать Сун Чу.

Ань Цзинлэ всё рассчитал верно. Если Ань Чунь хотел Сун Чу, тот, возможно, согласился бы стать его супругом. Если нет — хотя бы выгонят из деревни. Но он не учёл Ань Жубао. Хотя цель была достигнута косвенно, сердце его не успокоилось. Столкнувшись сейчас с Сун Чу, он смешал старую обиду с новой и начал говорить всё, что вздумается.

Голос Ань Цзинлэ был громким, и вскоре вокруг собрались зеваки. О том, как на самом деле обстояли дела между Сун Чу и Ань Чунем, знали немногие, и так уже ходило много слухов. Услышав слова Ань Цзинлэ, жители посмотрели на Сун Чу с подозрением.

Сун Чу с детства привык к тому, что на него показывают пальцем, поэтому его это не волновало. На грязные словеса Ань Цзинлэ он лишь холодно усмехнулся, а когда тот иссяк, спокойно произнёс:

— Дядя, вы мастер переворачивать всё с ног на голову. Как я стал супругом Жубао, все жители деревни видели, мне ничего не нужно объяснять. А насчёт того, что я якобы совращал вашего Чэнью и Ань Чуня... Хм, кто угодно может болтать что попало. Если хотите, чтобы вам поверили, предъявите доказательства. А иначе пойдём к старосте и главе рода разбираться.

Ань Цзинлэ доказательств не имел. Он презрительно посмотрел на Сун Чу и высокомерно заявил:

— Разве для этого нужны доказательства? У кого есть глаза, тот и так видит. У меня нет времени с тобой возиться. Не хочешь уходить — значит, нужны деньги. На, держи.

Он вытащил из кармана слиток серебра, небрежно бросил на землю, развернулся и сел в повозку, уехав прочь.

Стук колёс постепенно затих, но зеваки сразу не расходились, продолжая шептаться. Сун Чу посмотрел на серебро на земле, в его глазах промелькнули разные мысли. Внезапно он поднял голову, слегка улыбнулся и обратился к окружающим:

— Дядюшки и тётушки, вы, наверное, устали от этого представления. Эти деньги — на чай, поделите между собой.

Сказав это, не обращая внимания на их сменяющиеся лица, он взял Чу Ли за руку и, не оглядываясь, пошёл домой.

Только войдя в калитку, Сун Чу убрал улыбку, опустил голову и пошёл внутрь. Навстречу ему вышел Цинь Фэн и окликнул:

— Мама.

Цинь Фэн заметил, что у того неладно с лицом, хотел спросить, что случилось, но Сун Чу уже вошёл в комнату.

А Чу Ли, который не пошёл за ним, широко распахнул глаза, сжал кулачок и сказал:

— Злой человек, ругал брата... Бить его... Прогнать.

Цинь Фэн нахмурился и спросил Чу Ли:

— Сяо Ли, ты хочешь сказать, что на дороге кто-то ругал Сяо Чу?

Чу Ли наклонил голову, подумал, кивнул и указал на свою голень:

— Кровь, брат.

Цинь Фэн мгновенно помрачнел, поспешил в комнату за лекарствами и бинтами и направился в западную комнату. К этому времени Сун Чу уже переоделся и сидел на краю кана, погружённый в думы. Цинь Фэн протянул ему лекарства:

— Я слышал от Сяо Ли, что ты поранился. Он говорил не слишком понятно, только сказал, что вы встретили кого-то на дороге. Вы подрались?